

— Я сплю, когда встаю, когда выхожу из дома, и когда вносит в вагон, тоже сплю. Я щепка-неудачник — выбрасывает в такое место, где нет даже поручня.

Так наклонило, будто танцую танго, и партнер надо мной навис, а я подалась назад. Но партнера нет, а просто под спиной чемодан, и дышать трудно.

Наудачу кинув куда-то за правое плечо мятое «Простите!», я выпрямляюсь — и чуть не тараню подбородком чью-то читалку.

Читалка сера и солидна, и мне так стыдно, что я зачем-то быстро-быстро в нее заглядываю — и ловлю взгляд владельца.

Такой — не укоряющий даже, а будто он уже дверь за мной захлопнул.

Взгляд-финал.

Так неуютно, что хоть на месте прыгай, хоть из вагона беги, — а он не сводит, уткнул, как учитель указку.

Господи, я же сейчас закричу, я же сейчас не знаю что сделаю, не надо на меня так смотреть!

А владелец раздражающе безупречен — и брюки у него глаженные, и туфли блестят, и глаза серые. Я смотрю-смотрю, мелочь каждую проверяю, ищу повод злорадствовать — я в читалку вашу заглянула, а у вас зато спина белая!

Но он правилен до черточки, а у меня сапоги старые и сумка с ними не смотрится. И я стою, как дурак, без завалящего повода, и взгляд он, похоже, решил на мне до конца поездки оставить. Тяжело же!

Во мне потихоньку просыпается деловитая пылесосная сердитость.

Буркаю:

— Простите, пожалуйста, что я заглянула в вашу читалку.

Получите-распишитесь — теперь отстанете?!

— Лучше вообще не извиняться, чем так, скажу я вам.

Ага, ему еще и не нравится!..

Это последняя возмущенная мысль — дальше становится страшно.

Я не понимаю, что ему от меня нужно, я охрипла и наверняка уже проехала свою станцию.

Все на свете забыла с этими взглядами; холодно.

Он все смотрит. Я наконец понимаю, откуда тяжесть — не злость, не холодность, — внимательность просто. Интерес. Но такой основательный, что сутулиться впору.

Мерцает в глубине зрачков, как свет в лесной чаще. Иди-иди, пробирайся, выглядывай из-за стволов — у костра ждут уже.

Я трясую головой.

— Дай-ка руку, — небрежно.

— Что-о?

— Руку протяни.

И я медленно сгибаю и подношу к его носу правую руку в полосатой варежке. Я не могу не.

Он кивает не то мне, не то сам себе — да, правильно — и варежку стягивает, и кисть мою расправляет по-хозяйски, поворачивает ладонью вверх.

А в другой руке у него ручка, из тех блестящих-витринных, недоступных.

И этой ручкой он выводит деловито, крупным, четким почерком: 8-916...

И снизу — Андрей Семенович. Мы так обычно шпаргалки пишем.

На губах моих пляшет-пляшет, срывается наконец смешок.

— З-зачем это?..

— Пригодится.

Небрежно тоже, будто так и надо, будто уверен, что я не вскинусь!

Я хочу возмутиться, поворачиваю руку боком и пытаюсь учить номер.

Ладонь трясется, цифры дергаются, я, кажется, тоже.

В телесно-чернильный мир вдруг врывается раз-меренное, настоящее: «Следующая станция — “Третьяковская”». Моя! Иду напролом, вклиниваюсь в стволы пальто и курток, оттаптываю ноги. Выскакиваю как ошпаренная, не оглядываюсь.

Я до конца думала, что он меня остановит.

Номер синееет на руке клеймом.

* * *

В школьном холле светло и шумно, как на улице летом.

Я не проснулась еще и соображаю медленно, а школа хлещет в глаза, уши, ноздри — белым ламповым светом, криками хлещет.

Иду к раздевалке, смотрю под ноги, на серый кафель.

Кто-то потерял пиджак, кто-то потерялся сам, и поверх всего этого звенит звонок.

Я не знаю, зачем на алгебре расчехляю мобильник и лезу во «Входящие».

Может, хочу погреться о строки, о «люблю» и «мр-р-р», может, сбегаю от кривых интегральных лапок, — неважно.

Среди всех этих «мама», «Сережка», «Аля», среди любимых и не очень имен, на первой строчке — «А.С.».

Черные буквы, кажется, отделяются от экрана и впечатываются в глазные яблоки.

Трясу головой.

— Можно выйти? Мне мама звонит. — Голос мой дрожит, и Марина Юрьевна кивает.

В прохладе коридора прижимаюсь спиной к стене. Трясет.

Я сама написала ему вчера ночью.

Вспоминаю, как лежала в постели, сжимала телефон, стояла на перекрестке меж «отправить» и «назад». И как оставалась одна в начале пути, и была ночь, и трещали цикады.

Я стою у стены и пялюсь на экран. Ду-ура. Интересно показалось, забавно, подразнить — получи теперь!

Я могу еще удалить его СМС не читая, но это не будет ничего значить.

Уже сделала шаг. Все обрушила.

Я не понимаю, почему, — но уже никогда не будет, как раньше.

Ч-черт.

Вхожу в класс и чуть не кидаюсь к доске. Шкрябаю мелом — раз-раз-раз, как мушкетер шпагой, цифры косые, я считаю, считаю и еще считаю. Мозг работает, прогоняет через себя примеры и выдает ответы, я умная, я могу, я порвала этот номер в клочья и у меня есть «пятерка» и «молодец».

И немножко душевного равновесия.

...Я сижу на скамейке, в столовой, вливаю в себя борщ, ложку за ложкой, — борщ горяч и красен, он спасает.

И я могу наконец без тряски вспомнить ту эзэмску.

«По поводу “что вам нужно?” — твое общество, увы. Относительно «зачем?» помочь ничем не могу.

Впредь будь добра не будить ночью».

Я гуляю с подружкой по школе, по третьему этажу, по кругу, прячусь от понимания в завитушках разговора, но на русском, когда медленно, скучно пишется конспект? деться мне некуда.

Если ему зачем-то меня надо — он же получит.

Украдкой достаю телефон: «А вас не волнует, нужно ли это общение мне?»

Ответ приходит незамедлительно, и даже от экранных буковок веет холодностью, будто в конверт белоснежный вложил и с курьером отправил: «Ни в малейшей степени».

Сволочь, захлебываюсь воем внутренним, чуть на стуле из стороны в сторону не качаюсь, сволочь.

Но это русский — вовсе не время для воя, и я ныряю в морфологию и определяю разряды прилагательных до отупения.

Когда понятия «качественное» и «относительное» окончательно переплетаются и я пихаю подружку локтем, чтоб узнать, так ли ей плохо, как мне, — телефон вибрирует. Я хватаю его поперек живота: ну что еще?

«Порадует вряд ли, а полезно будет».

Да кто, кто так пишет эсэмэски!

— Идите к черту, — шепчу.

Все эти его слова — как тот взгляд в метро.

* * *

— Знаете что, если вы хотите обсудить детали, я вас встречу. Во сколько сегодня освобождаешься?

И я стою посреди школьного коридора и не знаю, что мне делать, и он еще скачет с «вы» на «ты», а подруга сегодня болеет — некому тормозить.

Когда это я хотела обсудить детали. Я вообще ничего не хотела.

Я хочу, чтоб вы сейчас положили трубку и оставили меня в покое.

— В три, — буркаю.

Функция «неподслушивание» у меня заблокирована.

— Номер школы?

Называю.

— Анна Сергеевна, будьте добры, найдите школу... О, Катерина, да у вас не простая школа, у вас гимназия!

Его искусственное оживление меня мало занимает.

— Откуда, — голос скачет меж писком и хрипом, я откашливаюсь, — откуда вы знаете, как меня зовут?

— Есть данные. — Ему почему-то смешно, и он прощается и вешает трубку в хорошем настроении.

Зараза.

Это все похоже на любовный роман, самый дурацкий, в мягкой обложке — у него есть секретарша Анна Сергеевна, а мне теперь что?

На красной кофте белеют пушистья, у меня грязная голова, тяжеленная сумка, и мне вовсе не нужно богатых мужиков.

Мне вообще никаких мужиков не нужно, даже мальчиков пока не нужно, хватит, наигралась. Тем более таких, с которыми отключается непослушание.

Остаток школьного дня проходит быстро — хоть обеими руками за хвост цепляйся, держи скользкий — не удержишь.

И вот я уже стою у калитки, и мне так не страшно, что даже мех на воротнике топорщится.

Смотрю внимательно на черные прутья школьного забора. Обычно — счастье выйти в неотгороженное, неофициальное — а сейчас век бы тут стояла.

Но нет, я снаружи, а к воротам подъезжает машина. Черная, блестящая, косит незажженными фарами по-пантерьи.

Я смотрю на тонированные стекла и думаю, что если он меня туда запихнет — не вылезу уже никогда.

Но мы с воротником настроены решительно и никуда запикиваться не собираемся.

— Ну здравствуй, Катерина Арсеньева. — Андрей выходит, и я наконец осматриваю его с головы до пят.

Глаза, самое главное — глаза. Взглянешь — отшатнешься, слишком пристально смотрит, слишком безразлично в то же время, слишком ровная уверенность льется... Много за собой водил, да? Много приказывал?..

И волосы седые уже. Не старик — матерый.

Трясу головой — сколько можно пялиться.

— У вас есть данные, да?

— Что?

— Бесплезно спрашивать, откуда вы знаете про фамилию?

— А, да. Есть данные. — Ему почему-то в кайф это повторять, это у него такая игра с самим собой.

И я буркаю:

— Тогда скажите мне свою.

— А фамилия моя слишком известная, чтобы я ее называл. — Он чуть улыбается и протягивает мне руку.

Я представляю — захват — боль в запястье — пасть машины, — но нет, простое пожатие.

— Нет ничего приятнее застольной беседы, не находишь?

— Нет, — говорю быстро, — никаких бесед. Я их не признаю.

Говорю Сережкой — с его интонациями, в его манере; чуть удивленно, быстро, но твердо.

— И что же, мы будем чинно гулять вокруг твоей школы?

Мне хочется плечами пожать — кто встретиться предложил? Кто общество навязал и смотрит теперь сверху вниз?

— Да, — говорю, — мы будем чинно гулять вокруг моей школы.

Уезжайте, а? Пожмите плечами и уезжайте!

Но он говорит что-то шоферу, и машина плавно разворачивается, а мы идем медленно, не спеша — и впрямь вокруг школы. В его руках моя сменка, моя сумка, мы идем рядом, кавалер и барышня.

Если это роман, то что за кретин его сочиняет.

— Весьма прискорбно, что с такой позиции нельзя заглянуть тебе в лицо... — Он говорит опять как бы сам себе, решает — отвернуть на полную вентиль тяжести, вдавить меня в снег — или не стоит пока.

Мягким-мягким голосом — и струится холодок по коже, липкий, противный, ночной.

Зимний мороз честней во сто раз, приходит — так сплеча, краснотой по щекам, по носу, — а этот...

И тут Андрей выныривает из своих мягкогласных, коньячных глубин.

— Ну, Катерина, — доброжелательно, ободряюще, маскируется под прямоту мороза, — давай рассказывай!

— Что рассказывать? — отшатываюсь.

— Да все. Чем живешь, какую музыку слушаешь, что любишь, что бесит...

— А вы мне даже фамилии не говорите.

— Ну да, изначально разница в положениях, — соглашается без эмоций, кивает.

И, видимо, я опять что-то пропускаю в собственной жизни, потому что вот уже покрасневшими руками распутываю наушники и пытаюсь понять, какой ему — правый или левый.

И включаю сокровенное — подо что просыпаюсь и подо что засыпаю, откуда черпаю бензин, чтоб никогда не стоять на месте.

Источники силы.

И если он сейчас засмеется — уйду, пусть стоит тут со сменкой.

Если только тень снисходительности учую.

Но он слушает всех этих девочек с лебедиными голосами, и музыку-энергетик тоже слушает — господи, да там же смысла нет, молотилово, по ушам бьет!

А он слушает — и вслушивается.

Проводок тоненький, черный на его щеке не сморщится.

— Саундтреки к жизни.

— Что?!

— Песни — саундтреки к жизни у тебя, я правильно говорю?

Да правильно он говорит, только знает откуда!

Опять «данные»? Но это-то...

Откуда ему знать, что я свою жизнь люблю под фильм подгонять!

Под фильм или под книгу, это уж как пойдет, — но чтоб красиво, чтоб ракурсы, чтоб снимать можно было, ничего не вырезая, чтобы правильно до черточки.

Сколько ж можно почву у меня из-под ног. Чемпионат у него среди себя, что ли.

Мы бредем уже энный круг; ученики разошлись, учителям забавно, должно быть, наблюдать из окон.

А я понимаю, насколько замерзла.

— Пляшите, — говорю.

— Зачем бы мне?

— Я признаю, вокруг школы — глупо.

— Нет, — качает головой, — недостаточный повод.

«Тьфу ты», — думаю тоскливо.

Ладно.

Пока мне так пусто и так спокойно, я и это могу спросить.

— Вы хотите со мной отношений?

— Смотря что ты вкладываешь в это слово.

— Вы хотите моего тела?

— Ни в коем разе! — кажется, даже вздрагивает, ну и отлично.

— А-а, — тяну, — тогда ладно.

Андрей смотрит на часы.

— Четверг, шесть часов, «Шоколадница», для некурящих.

— Что это?

— Это время и место нашей следующей встречи. Есть возражения?

— Отсутствуют!

— Вот и правильно.

Иди домой, Катерина, — замерзла уже.

И вручает мне сменку и сумку, и я сначала иду, а потом бегу, а дома почему-то оказывается Сережка, и отдохнуть мне не светит при таком раскладе.

* * *

Дни до четверга заполняются эсэмэсками и мыслями — внезапными, ни с чего.

«Андрей, — думаю я, выводя интегралы, чистя картошку, заправляя постель, — такой, такой и такой.

Я — такая и такая».

От постоянного переключивания мыслей по полочкам мне бывает хорошо; вперед я не смотрю.

Он — вот поставит цель и идет к ней бульдозером, ни по сторонам не смотрит, ни в себя. Решил — пошел.

А я цель вижу тоже, но бегу зигзагами — заблужусь двадцать раз, сверну с дороги, сяду отдохну, вообще идти передумаю.

Зато вижу сколько всего, узнаю — сколько, а уж эмоций — палитра, выбирай какой хочешь оттенок.

— И половина из них лишние, — говорит мне Андрей, когда на одной из пыльных, звенящих перемен я рассказываю ему эту разницу, плясь в школьное окно.

— Как это лишние?! — вскидываюсь так громко, что пятиклашки рядом оглядываются.

— Шелуха. — Я прямо вижу, как он пожимает плечами. — Чаще всего ты чувствуешь поверхностно. Страхни — ничего не изменится по большому счету. Как крошки со стола, понимаешь?

Тут, слава богу, звенит звонок.

Эмоции ему — крошки; чем живет-то тогда?..

«Чем вы живете?» — спрашиваю ночью, почти по традиции. Я помню, Андрей просил по ночам не писать, но как быть, если день закружил делами и не пускал.

Он не отвечает.

Я бегу-бегу, продираюсь сквозь толпу — а он уже за столом.

Еще и в пиджаке.

Ненавижу.

Ведь вовремя пришла!

Ну почему он всегда заранее, мне с утра тут сидеть, чтоб опередить?

Я плюхаюсь на стул прямо в пальто, Андрей смотрит чуть с сочувствием.

— Ты уже здесь?

— Да, — киваю, — я уже здесь.

— А мне кажется, ты еще не вся добралась.

Дергаю плечом — ну, может, и впрямь не вся, может, отстала какая-то часть, посколькунулась, по улице бежит, носом шмыгает.

— Добирайся.

— Угу, — киваю опять жалобно и вдыхаю глубоко.

Все, домчалась уже, опоздала, был позор, теперь выдохнуть можно.

Пальто вот снять. Кресло почувствовать, а не как будто на пять минут присела.

В «Шоколаднице» темно-коричневый, сладковатый полумрак, в таком хорошо целоваться.

Я хочу еще подумать о мягкости здешних кресел, но не успеваю.

Рука Андрея накрывает мою.

Я вздрагиваю.

— Холодная, — наблюдение.

Э-э, говорю я, ну да.

Мне хочется руку выдернуть, это что-то совсем не то, но я не могу. И невежливо, и просто — ну тяжелая у него ладонь, положил — как книгой бумажку важную придавил.

Хотя это я придавливать буду, а он ровным своим почерком в ежедневник переписет или вообще в телефон забудет.

Я думаю, как бы его отвлечь.

— Вы меня кормить обещали, — бурчу, — свининой.

— Уже заказал. С майораном.

«Любимая!» — восторгается кто-то глупый в моем мозгу, а я руку выдергиваю, будто током ударило.

Откуда он знает?!

— Откуда вы?..

— Вот так вот. А пока несут, у меня к тебе разговор.

— Да-а? — тяну, маскирую ошарашенность.

— К сожалению.

Он говорит, как примерный отец, — открывай рот, десять ложек.

Тьфу ты.

— Скажи-ка, если дело неотложное, — как реагируешь?

— В смысле?

— Если вот тебе тема сочинения и завтра сдавать, если мама сказала полы помыть и придет через два часа — ну? Что сделаешь?

Он спрашивает так жадно, будто не ел день, и вот рядом пицца — мои слова.

— Я... — говорю медленно, решаю, о прошлой себе говорить или то, что недавно — считается. — Я-бы-стро-сделаю-и-забуду.

— Давно так научилась? — Он опять что-то знает, это как со свининой, но черта с два я еще раз удивлюсь.

— С месяц, — отвечаю честно.

— А легко ли тебя обидеть?.. — Голос мягок, как тогда, когда строчил свой номер на моей руке, ух, как я это ненавижу.

— Сложно, но у вас получается!

Хотя ничего у него не получается, конечно, бездарь в деле обижения меня.

— Тебе, я вижу, не нравится моя манера вести беседу?

Ну конечно, не нравится. Когда тебе пишут деловые эсэмэски и громоздят тяжеленные ладони и закаывают свинину без спросу.

Когда, понимаете ли, «есть данные».

Я бурчу и бурчу — про себя.

Снаружи хватает сил только головой мотнуть.

— Не нравится?

Мотаю еще сильнее.

— Тебе что, сложно мне возражать?

Нет, — и ему смешно. Смешно ему. Снисходительность у него сквозит.

Попробовал бы сам!

— Очень сложно?

Он издевается или вправду не понимает?

А не получается даже согласиться.

— Даже так, — кивает деловито, будто стадию заболелания узнал.

Ч-черт.

Подзывает официанта, негромко что-то говорит, — я не слышу.

Хмурится.

Пальцами по столу барабанит — медленно.

— Если тебе станет от этого легче, то я вовсе не хочу, чтобы так было. Это не от меня зависит.

Да-а-а, а от кого же.

Внутреннего моего шипения он не слышит, конечно же, и продолжает все так же хмуро:

— Теперь уже не от меня.

— Ваш ром.

В наш диалог так внезапно вторгается кто-то третий, что я сначала ничего не понимаю.

Официант.

Принес стеклянную бутылочку колы и стакан с темно-коричневым.

— Пей, — пододвигает ко мне.

— Разбавляй.

И я заливаю ром колой, и заливаю стол ромом, и делаю огромный глоток, и как он узнал, что это моя мечта.

— Я хочу с вами общаться нор-маль-но! Не это вот...

Андрей хмыкает, и мне должно бы стать стыдно, но не становится.

— Почему я как дурак на вас смотрю снизу вверх? Если вы хотите... Если вы хотите общаться, вам же выгодней, чтоб я себя хорошо чувствовала!

— Ну и что люди делают, когда общаются нормально?

Он так подчеркивает это «общаются нормально» — я его задела, ну и ну-у.

Я. Его.

От удивления я делаю еще глоток и брякаю:

— В гости ходят.

Дурацкий вопрос вообще-то.

Почему тащить наши миры друг к дружке всегда должна я. Нашел ослика.

И никаким ромом с колой он это не искупит.

Я положила голову на руки и смотрю на свое красное кольцо, и сквозь волосы — в полутьму кафе.

— Примешь приглашение?

— Куда? — вскидываюсь ошалело.

Настороженность — стержень, пьяна я, не пьяна — никуда не денется.

— В гости, — говорит с недоумением; в странную игру ты играешь, деточка, но играй, раз нравится.

Минуту я пытаюсь вообразить, как он предлагает мне тапочки. Прыскаю.

Улыбка ненужная, глупая все прыгает на лицо, — я соняю, она опять.

— Вы-ы, — тяну, — не сочетается с тапочками.

— Могу понять. Я заеду за тобой в пятницу вечером.

Последнее — вердикт, он опять все сам решил, но у меня-то ром, и блокировки нет.

Вцепившись в стакан, отчаянно трясая головой, я говорю:

— Нет!

И добавляю поспокойней:

— Я на метро приеду.

— Что это вдруг?

Только не давливайте меня взглядом в стол. Только не давливайте меня взглядом в стол, я на него ром пролила, он липкий.

Мысли — вспышки в темноте, зеленые кометы. Летают, обрываются на середине, я ловлю, вяжу узелки.

Сложно.

Вздрагиваю — он опять мою ладонь накрыл — и что ж ему нейдет-то?

— Вот тебе адрес.

У меня недовязалась мысль, и я очень медленно соображаю, зачем он протягивает мне салфетку.

— Приезжай на метро.

Ух ты.

Куда повесила пальто, я не помню.

— Сейчас выйдем — проветришься, — говорит Андрей едва ли не сочувственно.

Я хмыкаю и сама не понимаю, что имею в виду. Вот так и исполняй мечты.

Мы стоим у метро, город обступил фонарями и притих.

Хмель почти выветрился. Стыдно.

Расходимся — вниз и внутрь, в метро и машину.

* * *

Я довожу Андрея с утра, не знаю, зачем, бомбардирую вопросами, атакую щебетом.

Это как ткнуть зверя пальцем — и отпрыгнуть, ткнуть — и отпрыгнуть.

Как он меня еще лапой не прихлопнул — неясно.

В окно школьное мне светит солнце, и в пути мне светит солнце, и когда я оказываюсь у нужного подъезда, оно светит тоже.

Я жалею, что нельзя запихнуть его в карман и выпустить уже там, внутри.

В доме железная дверь и внушительный вахтер. Когда я говорю, в какую квартиру мне надо, он хмыкает, отрывается от газеты и осматривает меня с головы до пят.

— В эту? — уточняет.

Я киваю и бегу по лестнице.

До упора давлю на черную кнопку звонка.

Внутри открывается дверь, щелкает замок — и Андрей выходит навстречу.

— Проходи, разуваться в коридоре.

Отличное начало.

В прихожей сумрачно, как на дне стакана, тот ром я так и не допила, — вспоминаю некстати.

Андрей кивает направо:

— Вот гостиная, располагайся. Рад видеть, — и скрывается где-то в сумраке.

А я вхожу и натываюсь на взгляд — чуть синяк не набиваю.

На меня уставился шкаф. Высоченный, резной, как выясняю у Андрея — из ореха.

Этот ореховый — заводила, главарь; так же враждебны безупречно чистая, огромная кухня, вешалка для одежды и книжные полки.

Квартира слишком тяжела, слишком серьезна; Андрию по плечу, наверное, а мне — сжиматься-прятаться.

Но я не сжимаюсь и не прячусь, даже когда Андрей опять выходит, извинившись. Забираюсь на диван с ногами; попираю полосатыми носками такой ковер кажется мне кощунством.

А Андрей сначала приносит чашки с чаем, и я пью осторожно, совсем маленькими глотками. А потом тяжело ставит на стол проигрыватель — старый, настоящий, где не диски, а пластинки еще черные. Мучаюсь, пытаюсь вспомнить название, потом спрашиваю — виниловые! — а потом по комнате разносится музыка, густая, сочная, солнцем напоенная. Концентрат.

«In the house of the rising sun...»

— Это ваш саундтрек?

— Обхожусь без саундтрека.

— А раньше?..

Андрей пожимает плечами.

Я обхватываю колени руками; музыка все льется — густым, наваристым солнечным светом.

Представляю, как молодой Андрей с еще неизвестной фамилией успеваешь под эти аккорды туда, туда и туда, пишет конспекты, целует девушек.

А-а, черт, у него еще не было плеера.

— Вы ведь не в Москве родились?

— Нет, — очень спокойно, — не в Москве.

И мне думается, что в его городе точно была сирень, и подо всеми его костюмами тело такое же, как у всех, и посуду себе он моет сам.

На своей территории очень сложно держать дистанцию.

— Минуту, — говорит Андрей вдруг, и этот тон словно хватается меня за шкуру и отшвыривает — не лезь.

Тьфу ты.

Андрей приходит быстро. В руке у него тапочки, он вручает их мне и говорит что-то вроде: «Забыл, прошу прощения».

Женские, фиолетовые, с блестками, с красным вышитым «Love you».

И ему-то смешно, он меня опять поймал на слове, как тогда с «вокруг школы» — но если у него есть жена, это очень плохо.

Что она обо мне подумает.

— Можешь успокоиться, она в Америке.

— Кто?

— Жена. И со мной больше не живет и в браке не состоит.

Черт.

Жалость захлестывает с головой, я выныриваю, отфыркиваю, воздух ртом ловлю.

Он же тут один, он же все вечера один, уходит утром, отдает приказы, возвращается в пустоту.

«Чем вы живете?..»

И мне жалко его и почему-то себя, и я вскакиваю и стараюсь дышать глубоко. Пластинка застыла — в комнате тихо.

Когда он выключил?..

— Еще чаю выпить есть желание?

Я киваю — да, да, да, есть! — и за Андреем в сотый раз закрывается дверь.

Я дышу глубоко и медленно, подхожу к окну.

Бедный, бедный, бедный, — теперь ясно, почему такой!

Почему меня доводит, холодность откуда эта, непрошибаемость — господи, да я же выше, я же его сильнее!

У меня-то хорошо все, у меня семья, люди, эсэмэски, — а у него?

И ведь столько думала плохого, так бесилась.

Черт.

Я хочу отвлечься, отвожу шторы, выглядываю на улицу.

А на подоконнике — цветы. Целый лес цветов, листья, колочки, стебли — я не знаю названий.

Земля в горшках сухая; цветы тоже от жены, наверное, и почему он их не выбросил, я не знаю.

Андрей приносит чай и даже вазу с конфетами, разворачиваю одну и съедаю жадно — у жалости вкус рома с колой, и я отчаянно хочу от него избавиться.

* * *

На улице я бегу трусцой.

Метро проскакивает быстрее быстрого — я даже толком не успеваю заметить, показали декорацию и сменили тут же.

Стучу каблуками несуществующими, сжимаю сумку. Я румяная, глаза у меня блестят, воротник пушист. Я несу счастье, хочу не расплескать, хочу — горючим.

Когда я лежу в постели, обнимаю подушку, жмурюсь — теплое мое, жаркое счастье вдруг исчезает.

Я остаюсь с пустотой и ничего не могу понять.

Что это.

Куда все делось, куда я делась. Белая майка, белое одеяло, диван огромен.

Утону в белизне сейчас.

Андрей есть, а меня нет. Можно собраться, наскрести по углам немного, но этого даже на каркас не хватит.

Все бело.

Я даже не знаю, как реагировать, — ничего-о себе яма.

Собственная легкость наваливается плотно, не дает вдохнуть. Я девочка. Я глупая девочка и никто, и ничто больше. Не выбраться.

Ничего не умею.

И — семнадцать лет. Никогда еще так не терялась.

А час назад все так просто было.

Почему Андрей с собой не носит, а я ношусь.

Что это за глюки вообще.

Я сижу, прислонившись к стенке, и чувствую себя белым листом.

Мне очень спокойно; от спокойствия жутко. В комнате темно, время, наверное, к часу.

Где я.

Пытаюсь придумать себе цель — не могу. Белизна плещется мерно, мирно.

Я беру гитару, прижимаю струны.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Гитара держит на плаву. Вокруг плещется белизна, но я нет, не тону.

Шкрябаю по струнам — шершаво.

А ведь не все бы схватились за гитару на моем месте. Кто-то бы расплакался, кто-то бы на кухню пошел, кто-то список бы начал составлять — «что мы имеем...».

А значит, я есть, я! все-таки! есть, и я Андрея не хуже, и мне надо только себя узнать, а это гораздо проще.

Я засыпаю выпотрошенная, спокойная, с гитарой в обнимку.

* * *

Утром я белый лист по-прежнему. Моюсь горячей водой — она так хорошо отовсюду возвращает, так помогает.

Ванная тоже бела, но это белизна не враждебная.

Кап-кап-кап на белое — красным. Из носа — кровь.

И льет, и льет, и льет, черт, измазала всю ванную.

Боль, оказывается, не делась никуда, я ее из сердца вон — она по телу ударила.

Ладно, лучше тело.

Носом все кровь, сколько раз уже, мир серый, во рту кисло. Сжимаю носовой платок, болит голова.

Мама морщится, Сережка носится — «что случилось?» — я хожу по квартире шатаюсь, молчу.

Меня из-за Андрея ломает? — спрашиваю я у телефона, лежа плашмя в конце второго, кажется, дня, и выбираю режим «случайный порядок».

Хорошее гадание, не врет обычно.

Телефон беспощаден и прямодушен, он выдает ту самую, «The house of the rising sun».

Ладно.

Сплю.

Подгибаются ноги, и лечу с каких-то ступенек — просыпаюсь, вздрогнув.

* * *

Дни с той ночи пролетают быстро, меня нет как нет, но на улице солнечно, и это все искупает.

Сидя в метро, добираясь из точки в точку, нахожу эсэмэску — ту, первую.

Подсчитываю, что дергаюсь из-за Андрея уже больше недели, и решаю, что хватит.

В тот день и в следующий я много ем, много сплю и ничего не делаю. Я очень балую себя: кормлю шоколадом, читаю книжки; мне нужно сейчас много бензина и много мурчания, и я беру его где только можно.

Из пустоты, из белизны я вытащила себя за шкуру и очень этим горжусь.

И если вот это — любовь, то идите с ней к черту, знаете что.

Иду-иду, осторожно, по краешку, оступлюсь — грохнусь в пустоту, не выплыву.

Я по-прежнему не уверена, что я есть, но обхожу этот вопрос стороной.

Но Андрею-то невдомек, что мне хватит, и вдоволь належавшись пластом, нашмыгавшись кровью, еле выбравшись, я получаю от него СМС.

«Куда пропала, Катерина?»

И чувствую, что я есть. Точно. Полностью.

Отчаявшись понять закономерность, пихаю в рот шоколадку, отвечаю:

«Я тут».

И мы договариваемся встретиться у него же, завтра.

* * *

Вахтер, увидев меня, издает странный носовой звук.

Я бегу по лестнице и думаю, что носовой звук в ответ на звонкое «Здравствуйте!» — это нечестно.

Я победила время — пришла на десять минут раньше, и вот звоню.

И еще звоню.

И еще.

— Входи, Катерина, открыто, — доносится из глубин.

Вхожу, разубаюсь-раздеваюсь, а на кухню-то дверь распахнута, и такая там роскошь, что...

Девушка у него на кухне, грустная, на птицу похожая. Тонкая, бледная, волосы черные — струятся.

На табуретке высоко сидит, ноги поджав — птица на жердочке, правильно все.

Не лицом к столу сидит, а боком — я и пальцы могу видеть, как она ими юбку теребит.

Андрей кивает:

— Проходи, садись. Какао будешь?

— Буду, — соглашаюсь и на девушку стараюсь не пялиться.

— Я Инна, — даже улыбка тревожная, зыбкая.

Под крыло бы ей к кому-нибудь.

— Не возражаешь, чтобы мы завершили разговор?

— Нет, конечно, — фыркаю.

— Андрей, ну что это!.. Ничего тебе? Не обиделась?

Мы быстро, — Инна наклоняется, заглядывает в лицо черными своими глазами.

Я делаю первый глоток — какао горячее, сладкое.

Пытаюсь понять, на что обижаться.

— Нет, — говорю, — не обидно, а на что тут?..

— Ну, например, секреты. И вообще — пригласил тебя, а говорю с ней. — Андрей хмурость прикрывает улыбкой, но она просвечивает.

Что-то у них не так совсем.

— Да это я прибежала раньше, — отвечаю, — хотите, в гостиную пойду?

Переглядываются.

Андрей кивает опять — не приказ, благодарность за такт.

Смущен? Во дела.

Я беру стакан с какао и ухожу, прикрываю за собой дверь.

Просто так сидеть в гостиной скучно, и я принимаюсь ходить вдоль книжных полок — в прошлый раз не всматривалась. А там, оказывается, Жюль Верн и Стивенсон, и я даже не знаю, что на это подумать.

«Детей капитана Гранта» я читала давно — устраиваюсь на диване, сворачиваюсь, чуть не мурчу.

Когда акула уже поймана, но о бутылке еще никто не имеет понятия, я слышу грохот.

Кто-то дверью кухонной со всей дури шархнул, надо же.

— И никакой ответственности, по-твоему?

Это Андрей, и, ох, как хорошо, что со мной он таким голосом никогда не говорил. Подчеркнуто ровным, слова — плотина, а за словами — не знать лучше, что.

— А что, вот так лучше? Вот так? Да что вы с ней вообще...

— Инна!

О господи.

Я не нарочно, — готовлюсь оправдываться, — я даже дверь за собой закрыла, я не виновата, что вы так орете.

Они говорят еще что-то, но мне уже не слышно, а потом закрывается входная дверь.

На «Дункане» оживление — бутылку нашли и записки вытащили.

— Инна просила передать тебе ее извинения, — Андрей проходит через комнату быстрым шагом, садится рядом, — интересно?..

— За что извинения?

— Что не попрощалась.

— А-а-а.

Андрей настолько хмур, что воздух вокруг него кажется гуще. Слова мои в этой хмари зависают, и говорить мне сложно.

Сидим молча; кошусь на него с сочувствием.

Когда тишина начинает давить, я аккуратно спускаю ноги с дивана и решаюсь.

Андрей еще не знает просто, как я умею.

— Вы устали, да?

— Что?

Он поворачивается и смотрит на меня с интересом; ну и вопросы тебе в голову приходят, девочка.

— Вы устали, — повторяю уже утвердительно.

И думаю, что если сейчас опущусь на колени и загляну ему в лицо, как подругам, и потрусь лицом о ноги — это будет что-то не то.

Но обмурчать все равно обмурчу!

Подхожу к подоконнику, отвожу штору — ну ко-не-е-ечно, сухая земля, кто бы сомневался.

— У вас цветы не политы, — говорю осуждающе.

— А?

Нет, это ж надо так себя довести. Сколько он работал и зачем он столько работал, и что это был за ор только что.

Я негодуяще фыркаю, спрашиваю снисходительно, как опытная хозяйка у молодой:

— Где лейку можно взять?

«На кухне, кажется» лейки не обнаруживается, и я поливаю цветы остывшей водой из чайника; Андрей наблюдает с недоумением.

Я поливаю цветы, мою посуду, поднимая брызги, вытирая пену со стен.

Вбегаю в гостиную и прыгаю на месте.

— Что мне еще сделать — что мне еще сделать — что мне еще сделать!

— Вопрос или песня? — от улыбки веет теплом, ну ничего-о себе.

Но мне теплу удивляться некогда, мне сбиваться нельзя, и я отвечаю звонко, почти выкрикиваю:

— Ну чем мне быть полезной — чем мне быть полезной — чем? Я могу даже сбежать в магазин и купить вам рому!

— Тебе не продадут.

Да я знаю, что мне не продадут, я не дурак, но пусть ему кажется, что да, пусть ему от этого веселее будет, на это ведь и расчет!

Я прыгаю и опять жалею, что он не девочка. Нельзя руки взять в свои, нельзя с дивана стащить и по комнате закружить, и обнять и затихнуть — тоже нельзя.

И «мр-р-р»-то ему не скажешь, вот засада.

— Хотите, я вам песню спою?

Сама чуть было не застываю столбом — что смозила?! — а Андрей ничего, улыбается, смотрит.

Я хорошее кино иногда, да.

— Какую песню?

Тут я все-таки перестаю прыгать, потому что сбивается дыхание.

И потому что на самом деле не знаю, какую песню собиралась петь.

Но останавливаться-то нельзя, и я плюхаюсь на пол рядом с диваном и предлагаю:

— Про хиппи!

— Давай про них, — соглашается опять почти равнодушно.

Да что такое, на секунду отпустишь — он опять в хмарь скатывается!

Чтоб я еще когда-нибудь...

И я пою ему песню про хиппи, который хиппи быть перестал, и потом Веню Д'ркина, «Шалабуду», и потом еще про коня, «в штанах» и «без штанов», но это на один голос неудобно.

Очень хочется все-таки взять его за руки и закружить по комнате, но немножко здравого смысла у меня еще осталось, и мы опять сидим молча.

Я не умею растормашивать мужиков, видимо.

— Ты не возражаешь, если я выпью?

Мы так долго молчали, что я успела привыкнуть; лежу на полу, на спине, смотрю в потолок.

Редко бывает так спокойно на чужой территории.

— Ну, — говорю, — вы же не будете много пить.

— Много не буду.

Улыбку я поймать не успеваю, но ведь знаю, что она была!

Я их всех помню — собираю, храню, как эсэмэски и письма, как феньки, как кольца.

— Составишь компанию?

Ну вот. Только станешь частью дома — пить зовут. Сажусь.

— Знаете, — говорю осторожно, — я не очень хочу с вами пить.

— Пить я тебе и не предлагаю.

И мы идем на кухню, и Андрей из холодильника достает водку и огурцы, из шкафа — стакан; я сижу на табуретке, наблюдаю, воруя закуску.

А потом Андрей пьет, и я перестаю жевать и сижу тихо.

В жизни не было такого января.

Пустой стакан тяжело опускается на стол, по Андрею почти не заметно, что выпил, только глаза чуть блестят.

Беру еще огурца.

— Сейчас же январь у нас?

Киваю — рот набит.

Андрей смотрит на подоконник:

— В прошлом году у меня здесь елка стояла.

Подоконник узок, пуст и белоснежен, и елки я на нем не представляю, да и зачем Андрею елка?

Еще я думаю, что за этот разговор ему будет завтра стыдно, что нечестно быть трезвой, когда он выпил, и...

— Шторы задерни, а, — просит чуть хрипло. — Сидим как на витрине...

Я спрыгиваю с табуретки, задергиваю как могу быстро, — пусть не видит подоконника, пусть про елку забудет!

Но нет, подходит ко мне, смотрит на занавески — и ясно, видит не их.

Ну черт возьми.

— Дина наряжала, еще лифчик свой туда вешала...

Мне хочется вдарить по подоконнику кулаком.

Ну куда вы в меня пихаете все эти откровенности?!

Нашли кому душу изливать, господи!

А жалость подступает опять — вот-вот с головой захлестнет; воздух заряжен искрами, заряжен чем-то — звон, взрыв, осколки по полу...

Хочется зашипеть.

К черту!

И я срываю шторы — трещит ткань. Вешать теперь полдня — ну а сколько воздуху-то звенеть.

— Это что?

Андрей, ура, елки больше не видит, проснулся.

Голос, правда, ледышка, зато откровенничать не рвется.

— Это, — говорю спокойно, — я вам шторы сорвала.

Специально.

И вот тут Андрей смеется — первый раз вижу.

Смеется и качает головой — ну даешь, ну даешь!

— Ну ты даешь, Катерина Арсеньева.

Андрей садится, я аккуратно кладу шторы на пол и думаю, есть ли в этом доме стремянка.

* * *

Я просыпаюсь оттого, что кто-то хлопает дверью ванной.

Минуту лежу неподвижно, смотрю в потолок, жду вчерашний день.

Не помню ничего; приди кому охота, он мог бы сейчас подsunуть мне совсем другое вчера, и я бы не заметила подмены.

Потом всплывает: оторванная штора, смеющийся Андрей, — и по жилам разливается чувство правильности. Я встаю, иду на кухню и в коридоре натыкаюсь на Сережку.

Гос-споди, чудище, что с тобой? Бледный, хмурый, нескладный какой-то, волосы всколочены.

— Доброе утро, — говорю с сомнением.

Брат смотрит на меня мутными глазами, шелестит, будто в горле пересохло:

— Доброе утро.

И уходит в комнату, шлепая по кафелю босыми ногами.

Я вваливаюсь в кухню.

— Ма-а-ам!

Мама сидит на стуле, чуть сгорбившись, пьет чай.

— А?

— Мам, он это что?

— Сережка? Да плохо ему!

Тон у мамы обвиняющий, будто я виновата; черт.

Она им только в крайних случаях говорит.

Ла-адно, не поддаемся панике, говорим спокойно.

— В чем это выражается?

Мама отвечает про тошноту и температуру, а я трясу головой. Это надо же было так похоже на Андрея сказать!

С кем поведешься...

Я не очень замечаю, как оказываюсь за партой.

Я думаю про Сережку — с чего ломает брата моего, ну, что это?

«У него уже давно так, это ты все шастаешь где-то и не видишь».

Ну да, к Андрею вот в гости шастаю, себя теряю — а дома такое.

Мурчишь чужих мужиков, а братья страдают. Но откуда я знала!..

Телефон раздражается вибрацией: Андрей.

«Перчатки не желаешь забрать?»

А, то есть я их у него забыла — но какая разница.

«Не сейчас», — отвечаю тускло, без точки, и телефон выключаю.

Очень старательно ищу площадь криволинейной трапеции, но нахожу все равно не то. Надо было вычитать не из нижней площади верхнюю, а из общей нижнюю, и я, в общем-то, все понимаю, но тут звенит звонок.

Я вваливаю на плечо сумку и выхожу в коридор.

Телефон вибрирует так долго, что я прислоняюсь к стене, сумку скидываю.

«А.С».

Ну коне-е-ечно, взволновался!..

— Здравствуйте, — успеваю вперед, — я-сейчас-не-могу-говорить-простите.

— Голос сел?

— Не кричите на меня, пожалуйста.

— Я кричу?

— Отстаньте, пожалуйста, у меня брат болеет, я сейчас не могу нормально разговаривать.

В трубке заминка, шорох.

Я в первый раз представляю, где он там. Может, переговоры у него, партнеров важных толпа, может, в кабинете сидит, отчеты просматривает. Занят же, работает — но отвечает всегда сразу, а я?..

— Простите, — говорю, кашляю, и мой хрип тонет в его «извини, Катерина».

Фыркаю.

— Чем болеет?

— Оно вам важно?

— Иначе бы не спрашивал. Чем болеет?

— Да фиг его знает, чем!

Я стою все у той же стенки, повышаю голос.

— Слушай, Катерина, я тебя смогу встретить ровно в три.

— Сегодня?

— Сегодня.

Ровно в три часа я спускаюсь в холл. Андрей сидит на скамейке, читает газету — первый раз я вижу его в очках.

— Ну здравствуй.

— Здравствуйте.

Школьный вахтер хмурится непонимающе, но мне еще никогда в жизни не было настолько плевать на школьных вахтеров.

Я сажусь рядом с Андреем, смотрю в лицо — и хочу сбежать. Не хмарь уже — усталость каменная, обреченность, — не размурчишь никак, самой бы ноги унести.

Но я сижу на месте.

— Дай телефон, пожалуйста.

— Мобильник вам мой нужен?

— Именно.

Я жму на нужные кнопки:

— Вот, он теперь живой и послушный.

— Превосходно.

И раз-раз-раз — жмет тоже, попадает как-то, а пальцы ведь у него не тонкие.

Я смотрю из-за плеча. «Меню» — «контакты»...

— Вы что делаете?!

Я даже не знаю, что сказать, зачем-то пытаюсь телефон выхватить, пальцы у Андрея стальные, но я упорная.

— Э-э-э!

Вахтеру, видно, тоже больше нечего сказать, но нам хватает. Андрей оправляет пиджак, я — волосы, и мы сидим чинно.

Обычно я так с Сереежкой вожусь, разнимает — мама.

— Это вот что было? — я ошарашена и потому наглая.

— Тебе объяснить?

— Да.

— Тебе точно надо это объяснять?

— Точно!

— Тебе ведь труднее будет с этим знанием, Катерина, — смотрит сочувственно и виновато.

Виновато. Он. На меня.

Отлично.

— Точно хочешь знать?

— Скажите уже, — бурчу, — перемена короткая!

А сердце о ребра хыдыщ-щ, хыдыщ-щ, хыды-щ-щ.

Чего оно такое большое-то — всю меня заняло!

— Скажите, а пока я тут не грохнулась.

— Дело в том, что я тебя выдумал.

— Что-о? — спрашиваю по инерции, а оно понялось уже, захочешь — не отгородиться.

Вот почему.

Вот почему я не могу его не слушаться.

Вот почему он про меня все знает.

Вот почему эта дрожь от взгляда, вот почему бе-силась!

— Ну, жива? Нормально воспринимаешь информацию?

Киваю. У меня опять все обрушилось.

Погодите.

— А мама?

— Что мама?

— Семья моя — она настоящая? Как вообще...

— Смотри, — смотрит снизу вверх, господи, а голос ба-архатный, — я тебя выдумал вот такой. Семнадцатилетней, очень легкой. Ну, мало ли, пришел образ, я удивился, из головы выбросил.

А ты воплотилась.

Но ты же не могла без прошлого — и вот оно у тебя стало. Ты не могла без семьи — и вот она у тебя тоже стала. Все это было заложено в том образе, который я тогда увидел, — заложено было, но раскрутилось уже само, без меня.

Понимаешь? Не теряешь нить, Катерина?

Нет, киваю отрешенно, не теряю. Звенит звонок, и мне кажется, я сейчас точно свалюсь, — звуки бьют по темени.

Холл залит электрическим светом; я зажмури-ваюсь.

А Андрей продолжает — быстро, опять чуть хрипло:

— Скажем, если бы у тебя плохая семья была, ты улыбалась бы не так. Не было бы семьи — вообще другой расклад. Все заложено в образе, но процесс пошел сам.

Некоторым выдумкам только волю дай воплотиться...

— И что, сколько нас таких?

— Придуманных? Мало. Не все могут воплощать — да я сам не верил.

Сказали как-то: дескать, воля сильная, чувства подавляешь часто, — смесь опасная, думай осторожней. Инна и сказала, помнишь ее?..

Не верил — не верил, — потом ты в метро.

— Вы поэтому мне столько вопросов задавали?.. А...

Он перебивает:

— Бабушки-дедушки есть у тебя?

— Нету.

— Во-от, вот поэтому и нету — не до начала же времен твоему прошлому разматываться! И прабабушек-прадедушек небось не помнит никто, как звали?

— Но бабушку Таню я же помню! — возражаю из упрямства, думаю: сва-люсь сей-час.

— Мало ли, что помнишь, воспоминания — такое дело...

Андрей замолкает — а мне бы собрать себя как-нибудь. Я думаю, не дать ли себе пощечину, но вахтер никуда не делся..

— М-м-м, — трясую головой, — знаете, я сейчас усну, кажется.

— Телефон-то возьми, «усну»...

Я беру, пялюсь в экран.

«А.С.» — удалить контакт?»

— Соглашайся.

И вот тут-то я вскидываюсь, и сна нет как нет.

— Вы зачем решили свалить? Вам стыдно стало?

— Почему стыдно?

Андрей недоумекает, и правильно недоумекает, вообще-то, но кто виноват, что меня несет. Сам же и виноват, сам придумывал, ха!

— Стыдно, стыдно, стыдно! Вы же из любопытства, ткнули палкой и смотрите, что будет! Как лягушку!!!

Я думаю, что «лягушка» его добьет, но нет, он не стыдится, не бесится даже. А я тяну, на грани уже, голосом не своим:

— База-а-аров...

И смеюсь. И думаю, что пора б ему мне врезать.

— У кого брат болеет?

Я застываю. Действительно, зачем по лицу, когда слова есть.

— Слушаешь?

Киваю покаянно.

— Выдумке нельзя подолгу находиться рядом с создателем. От этого страдает он сам, страдает выдум-

ка — но это еще ладно бы, не критично, как ты выражаешься.

Я вспоминаю белизну, кровь из носа — отлично. Не критично, значит.

— Не в этом суть, — опять мое. — Сильнее всего достается тем, кто выдумку пытается формировать.

Че-е, — растекается в голове пятно и так и остается; тупо смотрю на Андрея.

— Брат твой тебя подгонял под свои стандарты? Младшая сестренка должна выглядеть так-то и вести себя так-то?

О да-а, он ли не подгонял, он хуже, чем родители, подгонял.

Не езди туда, почему не дома, не пускайте ее, она там напьется.

— Ну вот. А когда я рядом, наши представления о тебе схлестываются.

Брат проигрывает, ему плохо — поняла?

Тон — «отвяжись уже, девочка».

— Поняла, но контакт зачем...

— Ты хочешь, чтоб его так дальше ломало?

И вот тут до меня доходит.

Я сижу на скамейке и даже не могу поднять рук, чтобы потереть виски.

— И... — сжимается горло, — и навсегда?

— И навсегда, — смотрит опять с сочувствием, черт, да ему самому грустно; слезы пиджаком школьным утираются плохо.

— А если только виртуально?

— А оно тебе надо?

— Ну а видеться раз в месяц?!

— Надо оно тебе, Катя?

Я трясусь уже совсем, господи, желе, позорище.

Мне не надо. Мне его каждый день надо.

— Вы зачем вообще это все затеяли? Чтоб... так...

— А я знал, что у тебя брат есть?

— Мы сидим с вами и ругаемся, как придурки!

— Придурки, — кивает.

Молчим, шмыгаю носом.

— Я в тебя столько слез не закладывал, — шутит, а в глазах все видно же. — Инна мне в тот раз и говорила, чтоб перестал тебя баламутить, пока не поздно. Как знала, что так аукнется...

— А я думала, вы из-за жены тогда...

— Из-за жены... — передразнивает, фыркает.

Прижаться б сейчас, чтоб рядом-рядом, чтобы... Че-ерт.

— Вы зачем тогда были в метро?

— А?

— У вас машина же!

— На спор, — чуть улыбается, опять, последний раз ловлю, — с шофером машины как раз.

И молчим. Время уходит — а мы молчим, ну!

— Спасибо вам, — я к нему не жмусь, я встаю, я сильная.

— Спасибо, что выдумали.

— Не стоит.

Ну как еще, я думала, он ответит?!

Идиоты, идиоты разрабатывали все эти законы, выдумке хорошо с создателем, выдумка только и может с ним!

Да и создателю с выдумкой тоже...

Беру сумку — громыхает в пенале, лямки — в плечо, у-у-у, сволочь, ненавижу.

— Удачи.

Вот это бы я не в карман, я бы это к сердцу, крестика вместо.

— До свидания.

Я так просто не сдаюсь.